

Она, как видите, погребла в моем сердце веру в неограниченные возможности российской монархии и ее царя.

Вскоре я был ранен и покинул поля Манчжурии.

Грушами, сотнями, полками пробивались в конце 1917 года казаки через охваченную анархией Россию домой. Шли и грунтовыми и железными дорогами; шли с боями, с тяжелыми препятствиями; шли через полосы, охваченные пожарами, грабежами, разбоями.

В одной из пробивавшихся частей я встретил того самого офицера, который рассказывал мне десять лет назад о Цусиме. Он был мрачный, озлобленный. Он имел вид человека, пережившего физическое или тяжелое душевное страдание.

Я напомнил ему о Цусиме.

— А-а-х, со стоном сказал он, то была детская игрушка по сравнению с новой, более страшной Цусимой.

Подумайте. Ведь не противник разбил нас. Чудовищное поражение нанесено нам не противником, а самим русским народом, отказавшимся защищать свою родину и превратившимся в конце концов в какое то разбойное стадо. Чего мы только не увидели во время этого тяжелого пути, чего не рассмотрелись...

Какое то тяжелое, непереносимое омрачение закрадывается в душу. Я считал русский народ героическим народом, мучеником, страдальцем. А теперь боюсь, что у меня к нему, ничего, кроме презрения, не осталось.

Цусима! Там я потерял веру в русского царя, а здесь теряю веру в русский народ.

Эта Цусима в миллионы раз более грозная. Это не крушение монархического строя, это крушение государства...

Вот она, Россия, во всей своей наготе.

Кончилась борьба с красными. Вышел из Севастопольской бухты огромный пароход (много их вышло), до отказа набитый остатками "белых". Уже два дня идет он по морю. На верхней, открытой палубе под тысячами лодками, между свертками канатов приоткрылись казаки. Между ними был один из Войсковых атаманов с семьей, два бывших командира корпуса и несколько командиров полков — все с известными именами. Им не нашлось места внизу не только в каютах, но даже под крышами. У самого борта, между кругами канатов, сидел пожилой уже офицер-казак. Два дня он молчал, ни на кого не обращал внимания. По временам вытирал слезы. Мне казалось, что я где то его видел.

Когда на пароходе не оказалось воды и угля, когда беспомощный гигант, обращенный в щепку, качаясь на волнах, поплыл к Одессе, когда он ежеминутно мог быть схвачен каким либо суденышком красных и отведен в порт, в мозгу понеслись картины и виденья прошлого, в глубине сердца возникали тяжелые переживания, проводилась параллель между прошлым и настоящим. В этот момент я ясно представил себе сияющего спиной ко мне офицера.

А ведь это он, подумал я и пошел к нему.

— Г. полковник, здравствуйте.

Он повернул ко мне лицо, и я увидел бегущие по щекам слезы.

— Вы что хотели? спросил он и снова стал смотреть в море.

— Я узнал Вас и просто хотел поговорить.

— Нет, я не могу. Да и что такое слова? Разве ими можно выразить то, что произошло. Они бессильны, ими нельзя и в сотой степени передать ту страшную скорбь, которая охватила теперь людей. Чтобы понять случившееся и в России, и в Казачестве, и даже здесь — надо время... Нет... не могу...

Через три месяца я встретил полковника уже в Сербии, в Белграде. Разговорились, вспомнили пароход.

— Знаете что меня особенно привело тогда в ужас?

— Что же?

— Казачья Цусима.

— То есть?

— И она заключается не в том, что нас завоевала Москва, залила Казачьи Края кровью, истребила половину населения. Нет, не в этом. Москва, возглавляемая коммунистами, воевала с нами и поступила с казачеством, как с покоренным народом. Разгром наш, это еще не весь ужас. Самое страшное заключается вот в чем:

Воевали мы с Москвой и с коммуной не одни. Нашлись русские люди, — правда, их было немного, — которые сражались против них вместе с нами.

Мы выставили на фронт все население поголовно; дрались старики и дети. Казалось бы, что судьба и проливаемая кровь спаяли нас с добровольцами и ни мы, ни они нас покинуть не могут. Но когда нависла над нами катастрофа, когда мы прикатились к Новороссийску, добровольцы покинули фронт, захватили корабли в порту и уехали в Крым. Только незначительная доля казаков попала туда.

Вот как поступили с теми, кто истекал кровью и чудовищной, неравной борьбе. Нельзя забыть, нельзя простить.

Особенно врезался мне в память один случай.

Полковник N. подвел одну из самых знаменитых наших бригад к пристани, чтобы погрузить ее на пароход. Лошадей по приказу бросили. Остановилась бригада, а сам полковник пошел на пароход к командарму. Через несколько минут возвратился оттуда, бледный, как полотно, подошел к бригаде. Тысячи глаз впились в любимого начальника.

— Братцы, сказал он и... разрыдался. Редкой храбрости, таланта и силы воли человек не мог рыдать без тяжелой причины. Спокойствие и самообладание не покидало его в самые ужасные минуты. Знали ему цену казаки. И вот, этот человек плакал.

Кто знал его раньше, тот, видя его слезы, не мог сам не плакать.

— Братцы, повторил полковник, для нас нет корабля. Нам приказано ловить лошадей и идти вдоль берега.

Казаки не могли поднять глаз, не могли глянуть друг на друга.

Раздалась команда, и бригада пошла за своим шатающимся командиром. Казаки отлично понимали, что их судьба решена, что ими пожертвовали.

Русский народ истреблял казаков. Им руководили коммунисты. А здесь, в минуты смертельной опасности, казак бросил те, с кем они шли вместе... Брошены были те, кто хранил верность до конца.

Вот последняя из пережитых мной и самая, может быть, обидная Цусима.

Если уж те, с кем мы сражались против общего врага, поступили так с нами, то ясно, что нам казакам, надо самим подумать о себе, надо строить свою казачью жизнь, надо залечивать свои раны самим...

Шамба Балинов.

Любителям передергиваний и подтасовок.

М. Поликарпов на двух страницах журнала "П. К." умудрился выложить целый короб самоносхваленый, "истин", в действительности — ряд лжи, подтасовок. Известно, трудное это дело — и волков насытить, и овца сохранить. Поэтому ему и приходится прибегать к помощи передергиваний и вкладывать в чужие уста слова, выдуманые его же пылкой фантазией.

... Я — глубокий националист... Я — ни то, ни другое, ни третье... Я всегда стоял за бортом партий... Я — русский, люблю русского человека. ... Я защитник образования каких угодно республик... похвалится самовлюбленный Поликарпов.

Бог с ним, Кто он и что он — для нас совершенно безразлично. Важно — что и как он говорит. Все

же невольно напрашивается восточная поговорка, которая гласит: «Ограниченный муж хвалит свою жену, более ограниченный — своего коня, а самый ограниченный — самого себя».

Все писание г. Поликарпова напоминает поведение провиннившегося мальчишка, плетущего потом всякую чепуху, лишь бы разошлись складки на лбу разгневанной мамыши. А наш «публицист» из «П. К.» провинился перед «мамышей» здорово: в минуту прояснения он заговорил было достойным казачьим языком, но... минутка просветления быстро прошла, почувствовав гнев «мамышей», он оборвал свою речь.

Г. Поликарпов дал в Сборник «Казачество» статью, каковую он теперь задним числом старается «разъяснить», и запутывается окончательно... В этой своей статье он высказал несколько категорических утверждений (у него все категорично!).

Первое его утверждение: «Русак, Хохол и Казак — суть три ответвления русского племени, имеющие свои особые бытовые черты в жизни семейной, общественной и хозяйственной и свою историю», т. е., три равноправные ветви племени Русь, — как раз то, что говорят и вольные казаки.

Второе его утверждение: «Зарубежная русская интеллигенция не ставит казачьего вопроса, хуже того — они ставят вопрос об уничтожении Казачества», т. е., опять то же самое, что говорят и вольные казаки. Правда, последние добавляют и говорят (и совершенно верно!), что так было, так есть и так будет не только в русской эмиграции, но и внутри СССР.

Третье его утверждение: «Вырастающая казачья интеллигенция мыслит сохранение Казачества в формах самостоятельного государственного бытия». Проще и яснее недавно выразил эту мысль старый рядовой лейб-казак: «Большевики уничтожают Казачество, интеллигенция, как и коммунисты, норовят упредить нас, а русский народ о нас и не думает. Пойдем на пропасть — или умрем, или будем жить: все порешили уничтожить нас, попробуем отбиться»...

Старый казак простым казачьим умом понял самую простую истину: никогда русский народ, вернее его именно действующая, проникающая великодержавной, мессинской идеей русская интеллигенция, не поможет казачьему возрождению, а наоборот — стремилась, стремится и будет стремиться к уничтожению его, ибо для нее казаки были и остаются: ворами, разбойниками, палачами, душителами всякой живой человеческой мысли, свободы.

Интересно знать: полагает ли г. Поликарпов, что и этот «старый рядовой лейб-казак» продался какому-то врагу русского народа? Ведь г.г. Поликарповы, как некие особы, незнающие много отношения между мужчинами и женщинами, как купля и продажа, не допускают много побуждения у вольных казаков, как «продаться», хотя и купить, «купить казаков» и т. д.

Четвертое утверждение Поликарпова: «Будущее Казачества — в перемене великорусской державной психологии. Если этого не случится, тогда самостоятельности правы»... А верит ли сам автор, что «великорусская державная психология» изменится? — Нет! Ибо сам в той же своей статье говорит: «Знаю: умрете, а не уступите. Так пала и корона Николая II».

С одной стороны, по утверждению самого же Поликарпова, при наличии «великорусской державной психологии» единственно правильный путь это — самостоятельность, а, с другой, он глубоко уверен и знает, что русские умрут, но не откажутся от своей великодержавной психологии. И поймите после этого, что, собственно, хотел сказать, или изречь г. П-в? Но ему хочется во что бы то ни стало «реабилитировать» себя от этого незначай сказанного раньше подозрительного на счет казачьей независимости «туману», и он тужится сейчас изо всех сил, вертится, как белка в колесе, а в результате — смех и горе.

Начинает он с заявления, что для него дороже всего Россия и объясняет почему: ... «А мы, слависты (высоко, парень летает!) считаем, что без великой России невозможна жизнь не только Казачества, но и всех славянских государств: Болгарии, Сербии, Чехии, и, даже, Польши»... Так вещает оракул «П. К.», но жизнь,

но действительность упорно утверждает обратное. России уже нет, а основной целью того целого, что заменило Россию и именуется СССР, является — разрушение всех этих «братских» славянских государств. Тем не менее, эти последние живут и живут хорошо. Мало того, недавно один из больших русских людей (П. Н. Миллюков) публично, на весь мир, заявил, что именно отсутствие России способствовало возрождению Чехословацкого народа, как государства. Разные люди и разные «подходы»!

П-в обвиняет вольных казаков, что они «разрушают» (?!), Россию. Но неужели он не понимает, что Россия уже разрушена, и разрушил ее сам русский народ, а не казаки. Ведь именно после разрушения России «русская передовая интеллигенция», изгнанная своим народом, истребляемая им, как ненужный хлам, бежала на Дон и другие окраины искать спасения б. Р. И.

П-в свое «письмо» в «П. К.» начинает обвинением, что самостийники «изобрели» казачью нацию. Неужели именно такая вещь, что всякая группа может по своему желанию ее изобретать? Нет, тут дело не в «изобретении». Жизнь и объективная историческая наука будущего беспристрастно ответят на исторические концепции Вольного Казачества. Для меня же лично неважно — особый-ли народ, нация-ли особая Казачество. Пусть этими определениями занимаются ученые. Для меня совершенно достаточно того, что существуют казаки, Казачество, как реальный, бесспорный, самоочевидный исторический и политический факт и фактор, имеющее право и способное жить самостоятельной жизнью.

Но вот одна замечательная и характерная черта «противников» Вольного Казачества: они с истерическим криком набрасываются на вольных казаков, утверждая, что Казачество — не народ, не нация, что казаки — русские люди, но вместе с тем указывая, что и не совсем русские, ни то, ни се, одним словом, какое-то «недоразумение». А между строк они иногда «загибают» такую «ересь», «а жнак жутко становится» за них. Например, в том же номере «П. К.», непосредственно за «письмом» П-ва, помещена статья, посвященная девятилетней годовщине смерти Ф. Д. Крюкова, где эпитафией взята выдержка из «Юбилейного Сборника», изд. в станице Усть-Медведицкой в 1918 году: «Ф. Д. Крюков, несомненно, одно из самых ярких и радостных явлений в жизни нашей Земли В. В. Д. Он первый и сильнейший национальный донской писатель. Он певец казачьей души, певец ясных казачьих родных старых синих рек — Дона и Медведицы». Что же сей сон значит? Ведь этим самым «П. К.» утверждает, что существует донская нация! Как же он теперь будет выпутываться?

«И, конечно, не только против Москвы; поведет себя так Киев — и против Киева будем биться» — формулирует своими словами слова самостийников г. П-в и уже заранее готов упасть в обморок «от такой храбрости». Для людей с рабской душой — естественное явление расплываться ниц перед сильным, безоговорочно принимать волю «барина». Лишь таковым обязаны казаки тем положением, когда всякий русский барин мог безнаказанно оскорблять казаков. Яркое выражение этого положения мы наблюдали еще недавно на одном казачьем докладе.

На этом докладе г. Варшавский последовательно и верно выразил отношение русской интеллигенции к казакам, Казачеству, первой и основной задачей коей (интеллигенции) являлась и является — уничтожение Казачества. Ничего не изменилось, все по-старому. Там, в Москве, русский поэт на весь мир поет: «Казаки сволочи — продажная орда», а здесь, в эмиграции, г. Варшавский*) в лицо одним казакам бросает: зверье, неспособное ни на что. И нашлись другие казаки, которые одобрительно ему улыбались!

Почему-же так случилось, что казак, вместо гордости и достойного ответа на оскорбление, отвечает одобрительной улыбкой? Да очень просто. Это — естественное следствие настойчивой, неустанной работы некоторых казачьих «вождей», постоянно призывающих казаков к беспрекословному подчинению московскому

*) Русский? Ред.

барину. Эти „вожди“ без устали твердили и твердят: нам, казакам, артачиться нельзя, барин московский — сильный, страшный зверь; когда он „наляжет животом“, у казаков пятки засверкают. Поэтому нужно, мол, заранее пасть кцд, пусть барин свободно гуляет по казачьей спине.

Усилия „вождей“ не остаются бесплодными... „Рожденный ползать — летать не может“. Но за то, под влиянием подобной „работы“, казаки, рожденные летать, хорошо научились ползать!

На том же докладе г. Варшавский, не видевший (а если видел — тем хуже!) нечеловеческих мучений, неисчислимых страданий казаков, наблюдавший в свое время за ними вероятно только из окна вагона, неспособный понять всю глубину казачьего горя, провозгласил, изгнав казакам: нас с вами, казаками, одна причина изгнала вместе и теперь вместе скитаемся. Г. В-й, бойкий журналист и публицист, на этот раз прикинулся простаком и не хотел понимать самой простой вещи: русский народ сам выбросил свою интеллигенцию (многих Варшавских). А Казачество, не только интеллигенция, а все население, стар и млад, с оружием в руках в течение трех лет, истекая кровью, боролось против самой этой „причины“, русскую интеллигенцию выбросившей, и побежденное на поле брани в открытом бою, но не склонившее своей гордой головы перед торжествующим врагом, массой с оружием в руках, со всеми своими государственными учреждениями ушло из своих Краев...

Эту простую вещь не мог не знать г. В-й и, зная это прекрасно, он позволил себе смеяться и издеваться над казачьим несчастьем. Не могли не знать этого и те казаки, которые поддерживали его.

Радуйтесь, казаки „вожди“ из „П. К.“ и другие „общероссийской ориентации“ журналисты и публицисты! Это вы своей фальшивой проповедью — и нашим и вашим — довели казаков до настоящего положения. Давно известно, что нельзя служить двум господам.

Нельзя вечно стоять на распутьи и кричать: туда пойдешь — коня потернешь, сюда — самого себя и в то же время мнить себя апостолами жизненных путей Казачества. Кривда души безнаказанно не проходит, и кривдавший всегда попадает в неизбежное противоречие.

Одно из таких ярких противоречий мы видели недавно на том же самом докладе, где „орал“ г. В-й. Один господин из казаков, упорно метящий выйти на общественную арену в „общероссийском масштабе“, мнящий себя „морально чистым“, „отчаянный“ противник вольных казаков, всю свою речь на этом докладе направил против вольных казаков. Сделав множество „глубокомысленных“ догадок, произвольных предположений, подробно перебрав, кто из вольных казаков носит большие усы, а кто ходит без усов и, вероятно, думая, что этим он спас казачью честь от погибели, самодовольно обводил аудиторию своими слезливыми глазами, тщетно ожидая „заслуженную“ награду за свою „работу“, т. е., аплодисментов.

Но когда тот же господин, в качестве „близкого друга“ докладчика, стал возражать г. Варшавскому, то он, в порыве увлечения, на короткий миг заговорил языком настоящего вольного казака и с пафосом воскликнул: „Казачьи государственные образования 1917-20 г. г. не были интеллигентскими измышлениями, а были подлинным выражением воли народной“, т. е., свободной высказанная воля Казачества была за образование Казачьего государства.

Правда, он скоро спохватился и, испугавшись невольно вырвавшейся из уст истины, с виноватой улыбкой заявил: „но мы („вожди“?) казачьи государства не имали, как временное явление, впрямь до“... Как трудно утверждать, что белое есть черное!

Этот господин и теперь всецело принимает формулу „впрямь до“. Но единомышленник (федералист!) Поликарпов самым курьезным образом подбрасывает эту формулу вольным казакам и пишет: „Однако, кто теперь не знает, что „впрямь до“ служит у „вольных казаков“ средством для околпачивания простодушных. Это слово играет роль накидного аркана,

чтобы захлестнуть голову попавшегося простака. Я то это хорошо знаю“... („П. К.“ № 37-38).

Но как плохо, однако, он знает „это“! А если „хорошо знает“, то это называется, что человек в полном сознании взял да жестоко отхлестал самого себя и своих „друзей“. Ведь эта формула „впрямь до“ является главным костылем, на который и сейчас опираются некоторые существующие в эмиграции казачьи политические организации и объединения, начиная от Общественного Совета Дона, Кубани и Терека. А программа Вольного Казачества от всех других только тем и отличается, что в ней выброшены именно вот эти „впрямь до“.

И вот теперь, по собственному признанию Поликарпова, выходит, что все другие организации „околпачивают простодушных“ казаков и с „накидным арканом“ захлестывают голову попавшегося простака — казака, и только Вольное Казачество, выбросившее из своей программы слова „впрямь до“ („накидной аркан“), не замешано в это грязное дело улаживания простых казачьих душ.

Совершенно верно! Вольное Казачество фиговым листом не прикрывается, никого не обманывает. Оно ясно и определенно поставило вопрос: казачья самостоятельность, казачья независимость, никаких господ над казаками! Кто тщательно не закрывает ушей и глаз, тот легко понимает и видит. Не есть люди, для которых, по калмыцкой поговорке, „говорить слова — все равно, что сеять зерна на коровьих рогах“ — не удержится!

Поликарпов человек редкий. Он усердно занялся на страницах печати самоистязанием. Везде и всюду принято неприличным подглядывать, подслушивать. А если по своей слабости не удержался и что-нибудь подслушал, или подглядел, то, по крайней мере, принято об этом не говорить. А он, П-в, всем этим хвастается и оперирует всеми подслушанными „материалами“, как „чистой монетой“: он подсмотрел, кто как сидит в „верховном синедрионе“; он подслушал, как какой-то вольный казак, где-то и когда то, кому-то и какие-то слова говорил; он подслушал, какую беседу вел „студент-самостийник“ где-то за кружкой пива со своими приятелями и т. д. и т. п. И всем этим, как боевым трофеем, торжественно похвастается. Видимо, г. П-в, за неизменением лучшего дела, взял на себя роль добровольного соглядатая. Дай Бог ему успеха на новом поприще!

Но, дело хуже, когда человек свою праздную, а, м. б., большую выдумку приписывает другим. Здесь видим столь широко используемый большевиками принцип: говорить, говорить в уверенности, что от сказанного, хотя бы совершенно ложного, чтонибудь да и останется.

В данном случае он так поступил лично со мною. Он пишет: „Вонсе не случайно Шамба Балинов уговаривает казаков принять иноземное подданство“... Дальше пишет: „Боятся того барина, к которому зовет казаков в услужение Шамба Балинов. Балинов очень богат господами. Если, мол, не хотите варшавского барина, то можно пойти к лондонскому, он-де не хуже московского“...

По-истине какой-то бред больного! Что хотел сказать этим г. П-в? Уж не то ли, что я будто бы звал казаков принять английское, или иное подданство? Удивительно „тонкие“ соображения, г. П-в!

Я ведь именно мечтаю, жажду видеть Казачество совершенно свободным от всякого барина, подданства, разрывающим и укрепляющим данные ему природой и историей прекрасные качества, независимо от чьей бы то ни было палки. Сделайте милость, г. П-в, приписывая другим свою разыгравшуюся фантазию, не берите на себя ненужного греха.

Можно бороться со взглядами и течениями, которых не разделяешь. Но, знайте, борьба хороша и достигает своей цели только тогда, когда она ведется честным образом.

„Плеть не знает хозяина — может больно ударить и своего хозяина“ — говорит калмыцкая поговорка. Точно также негодные средства могут больно хлестнуть того, кто ими воспользовался.